

PHILOLOGY OF THE EAST
Folklore studies / Russian literature
and literatures of the peoples of the Russian Federation

ФИЛОЛОГИЯ ВОСТОКА
Фольклористика / Русская литература
и литературы народов Российской Федерации

Научная статья
УДК 398.3

Филологические науки

<https://doi.org/10.31696/2618-7043-2022-5-2-354-365>

Представления о судьбе и предопределении
в культуре тюркских народов: фольклорно-
литературный контекст

Гульфия Зилифовна Камалиева^{1а},

Ильсияр Гамиловна Закирова^{2б}, Луиза Каюмовна Каримова^{1с}

¹ Казанский (Приволжский) федеральный университет
Институт международных отношений, Казань, Россия

² Академия наук Республики Татарстан

Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова, Казань, Россия

^а gulfia73@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6088-3093>

^б ilzakirova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2527-0571>

^с LU_KA_S@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0353-8493>

Аннотация. В статье проанализирован мотив «судьбы» с учетом его лингвокультурологической специфики, выявлены компоненты мотива судьба в татарской традиционной культуре. Выявлены мифологические корни народного представления о судьбе, рассмотрены этнокультурные контексты, повлиявшие на его формирование. Цель исследования заключается в изучении ментальной сущности мотива судьбы в его проекции в татарской литературе, фольклоре и традиционной культуре. В представлениях татарского народа о судьбе переплетаются мифологические, языческие и мусульманские ценности и традиции. Образ божества Судьбы – «Ala atıyū jol tänri män» – зафиксирован в одной из ранних рунических рукописей древних тюрков «Ырык битиг» (VIII–IX или IX–X вв.). Самые ранние образцы фольклорного творчества о судьбе представлены в словаре Махмуд аль-Кашгари «Диван лугат ат-турк» (XI в.), мотив судьбы отражается в тюркоязычных литературных памятниках: «Кутадгу Билиг» («Благодатное знание») Юсуфа Баласагуни (XI в.), в средневековой татарской литературе «Кысса-и Йусуф» («Сказание о Йусуфе») Кул Гали (XIII в.), «Тухфаи Мардан» («Подарок юношам») Мухаммедъяра (XVI в.) и т. д. Язымыш – будущее, которое записано Всевышним каждому человеку до рождения, – в фольклоре раскрывается как неизбежность, предопределение. Слово «язымыш» образовано от слова «яз» (писать). В поэме Мухаммедъяра «Тухфаи Мардан» создан образ писцов «бетку-

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

челёр», записывающих предопределения Всевышнего. Основными категориями в ментальном поведении татарского народа являются «судьба» («язмыш», «кадэр», «тэкъдир», «өлеш», «язу», «күрәчәк», «насыпп»), «терпение» («сабыр»), «благородное поведение» («әдәп»). Мотив судьбы как в фольклоре, так и в древней и средневековой литературе раскрывается в нескольких аспектах: предназначность судьбы и бессилие человека перед ней, и в то же время стремление узнать и изменить судьбу при помощи различных ритуалов и обрядов.

Ключевые слова: тюркские народы; тюркский фольклор; судьба; традиция; верования

Для цитирования: Камалиева Г.З., Закирова И.Г., Каримова Л.К. Представления о судьбе и предопределении в культуре тюркских народов: фольклорно-литературный контекст. *Ориенталистика*. 2022;5(2):354–365. <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2022-5-2-354-365>.

Original article
<https://doi.org/10.31696/2618-7043-2022-5-2-354-365>

Philology studies

Ideas about fate and predestination in the culture of the Turkic peoples: folklore and literary context

Gulfiya Z. Kamalievaa¹, Ilsiyyar G. Zakirova^{2b}, Luiza K. Karimovaa^{1c}

¹ Institute of International Relations, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia

² Institute of Language, Literature and Art named after G. Ibragimov of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan, Russia

^a gulfiya73@mail.ru, ORCID ID: 0000-0001-6088-3093

^b ilzakirova@mail.ru, ORCID ID: 0000-0002-2527-0571

^c LU_KA_S@rambler.ru, ORCID ID: 0000-0002-0353-8493

Abstract. The article analyzes the motive of «fate» taking into account its linguocultural specificity, reveals the components of the motive of fate in the Tatar traditional culture. The mythological roots of the folk idea of fate are revealed, the ethno-cultural contexts that influenced its formation are considered. The purpose of the study is to study the mental essence of the motive of fate in its projection in Tatar literature, folklore and traditional culture. In the ideas of the Tatar people about fate, mythological, pagan and Muslim values and traditions are intertwined. The image of the deity of Fate—«Ala atıy yöl tänri man» is recorded in one of the early runic manuscripts of the ancient Turks «Yryk bitig» (VIII–IX or IX–X centuries). The earliest examples of folklore about fate are presented in the dictionary of Mahmud al-Kashgari «Divan lugat at-Turk» (XI century), the motif of fate is reflected in the Turkic literary monuments: «Kutadgu Bilig» («Blessed Knowledge») by Yusuf Balasaguni (XI century BC), in the medieval Tatar literature «Kyssa-i Yusuf» («The Legend of Yusuf») by Kul Gali (XIII century), «Tukhfai Mardan» («Gift to young men») by Muhammedyar (XVI century), etc. Yazмыш is the future, which is written by the Almighty to each person before

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

birth, in folklore it is revealed as inevitability, predestination. The word «yazмыш» is derived from the word «yaz» (to write). In the poem «Tuhfai Mardan» by Muhammedyar, the image of scribes «betkuchelar» is created, who write down the predestinations of the Almighty. The main categories in the mental behavior of the Tatar people are «fate» («yazмыш», «kadar», «tәkdir», «өлеш», «yazu», «күрәчак», «nasyp»), «patience» («sabyr»), «noble behavior» («әдеп»). The motive of fate, both in folklore and in ancient and medieval literature, is revealed in several aspects: the predestination of fate and the impotence of a person in front of it, and at the same time the desire to know and change fate with the help of various rituals and ceremonies.

Keywords: Turkic peoples; Turkic folklore; fate; tradition; beliefs

For citation: Kamalievа G. Z., Zakirova I. G., Karimova L. K. Ideas about fate and predestination in the culture of the Turkic peoples: folklore and literary context. *Orientalistica*. 2022;5(2):354–365. (In Russ.) <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2022-5-2-354-365>.

Введение

Согласно поверьям татарского народа, все события с самого начала объемлются божественной сущностью или промышляются его волей [1, с. 58]. Поступки, каждый шаг, счастливая и несчастная жизнь каждого определены или записаны им еще до его рождения, предопределены божественными силами или небесами. На татарском языке для обозначения судьбы используется термин «язмыш». В значении судьбы употребляется также слово «язу», которое дословно переводится как запись. По отношению к людям с тяжелой судьбой употребляется слово «язулы». Все эти слова восходят к корню «писать», что указывает на нормативный характер судьбы. Судьба – это будущее, жизнь человека, определенное еще до его рождения, предначертанное или предписанное Всевышним. Предначертанную судьбу человек изменить не может.

После принятия ислама вместе с судьбой стало употребляться и слово «тәкдир», имевшее то же значение. Тәкдир, то есть предопределение, означает предопределенную Аллахом судьбу. Существуют также такие выражения, как «тәкдиргә язлу», «тәкдир тактасы». В этом же значении используется и выражение «өлеш», то есть доля. Доля каждого человека – это выделенный ему срок жизни, жизнь, счастье, горе. Слово «өлеш» (доля, удел) подразумевает в первую очередь счастье или несчастье и время, отведенное каждому человеку на существование.

Еще один смысл слова доля в татарском народе измеряется количеством отведенной человеку пищи. Словосочетания «жыясы ризык», «ризыгы бетмәгән», «жыясы ризыгы булгач» также указывают на судьбу, на продолжительность жизни. Каждому человеку при рождении определено количество пищи и местонахождение этой пищи, которая притягивает или направляет человека. Татарские пословицы сохраняют следы этой веры:

«Жан ни теләми, ризык жибәрми
Килгән үз ризыгы белән килә.
Кайда кисәң дә ризыгың артыңнан барың
Ризыгың читтә булса, ни генә кылсаң да, китәрсең.
Кешене ризык йөртә». [2, с. 658–659].

Пища влияет на продолжительность жизни, на судьбу и поступки человека. Выражения «ризыгы киселү» или «ризыгы өзелү», которые дословно переводятся «остаться без пищи», означают наступление смерти, кончину. Выражение «ризыгы киселмәгән булса» означает «суждено быть живому».

Слово «фәләк», пришедшее из персидского языка, также означает судьбу, удел, рок, предопределение. Первоначальное значение этого слова – «небо», «небосвод» в значении «система звезд и планет», которое указывает на связь судьбы с небесами.

Верования о неизбежности судьбы, о том, что невозможно избежать ее или изменить, сохранились в пословицах и поговорах.

«Адәм сөйләр, тәкъдир көләр» («Человек будет говорить, судьба будет смеяться»).

«Адәм сөйли, язмыш көйли» («Человек предполагает, судьба располагает»).

«Бәндәнең тәбдире Алланың тәкъдиреннән узмый» («Жизнь человека не превышает предопределения Бога»).

«Бер башка ике язмыш юк» («Двух судеб одному не написано»).

«Берәүгә язган икенчегә булмый» («Одному написано, другому не суждено»).

«Безгә язганны болан күтәрмәс» («То, что нам суждено, олень не проживет»).

«Кая барсаң да кара сакалың артыңнан калмас» («Куда ни пойдешь, твоя черная борода от тебя не отстанет»).

«Өлешенә тиеш көмешенә» (Твое серебро – твоя доля) [2, с. 658–659].

В пословицах судьба предстает неподвластной человеку силой, которая определяет весь его жизненный путь. Судьба дается каждому человеку небесами, Богом или Всевышним, и каждому человеку предначертана своя судьба. Верования, связанные с судьбой, происходят из глубокой древности. Древнейшие дошедшие до наших дней образцы верований тюркских народов, связанных с судьбой, сохранились в Орхоно-енисейских эпитафических памятниках. Например, на стеле, воздвигнутой в память о Билге-Кагане, говорится, что вся его жизнь – это судьба, данная ему небесами: «Тәңрi жарлыкадуқын үчүн, үзім кутым бар үчүн» [3, с. 28]. В рунических письменных памятниках судьба обозначена словом «ülüg». В этих записях и указывается, что все зависит от судьбы, от решения и предопределения Всевышнего или Небес.

В записях Кули-Чора сохранились слова, дошедшие до наших дней как устойчивое выражение: «ülüg анча ермиш еринч» («язмышы шулай», «такова судьба»). Во всех этих надписях как вершитель судеб упоминается «Күк» (Небо) или «Тәнгре» (Тенгри).

В древней и средневековой тюрко-татарской литературе и фольклоре через мотивы, связанные с судьбой, продолжает доказываться неизбежность судьбы, данной свыше, Богом. Об этом говорится и в поэме Мухаммадъяра «Тухфаи Мардан»:

«С тем, что предписано Всевышним,
Раб должен согласиться,
Он же тебе твою долю,
Даст тебе, хочешь ты, или нет» [4, с. 132].

Человеку остается только принять судьбу такой, какая она есть, и смириться с ней, любое событие в жизни принять как дар Всевышнего и не сетовать на судьбу. Но в то же время татарский народ верит, что на судьбу можно повлиять. Так, книга «Ырык битиг», относящаяся к VIII–IX или IX–X вв., является одной из первых, дошедших до наших дней рукописей древних тюрков. В этой книге есть упоминания о божестве Дорог или тропы: «Ala atıyū jol tärri män. Jarın kiçä äşür män...Qorkma, – timiř, gut birgäi män, – timiř» («Я Божество дороги/пути на пегом коне. Нахожусь в пути с утра или вечером. Не бойся меня, я не причиняю вред, я тот, кто дарует счастье, говорит») [3, с. 80]. Дальше в тексте он упоминается еще раз «Qara jol tärri män» («Я черное Божество дороги») [3, с. 83, 90]. В этих памятниках судьба олицетворялась в виде божества, влияющего на жизнь человека и дарующего ему счастье. Обязанностью или функцией этого божества являлось обеспечение безопасности или гармонии в мире, дарование людям счастья, то есть счастливой судьбы. Божество дороги может подарить человеку счастье, то есть изменить судьбу. Счастье даруется тому, кто об этом просит, а значит, человек может изменить свою судьбу, обращаясь к божеству с просьбой: «Är ömäläjä barnıyş tärrikä sooguımyş gut golımyş gut birmiř» («Мужчина полз к Божеству и просил дать ему счастье, Бог засмеялся и дал ему счастье») [3, с. 83].

По мифологическим сюжетам и фольклорным текстам тюркских народов судьба записывалась в специальной книге. Согласно выражениям и пословицам, сохранившимся у татарского народа, она записывалась и на лбу человека: «Маңгайга язылган язмышны тир белән сыпырып төшереп булмый» («Написанную на лбу судьбу нельзя стереть потом»). В исламской мифологии судьба человека записана заранее в «Книгу судеб» или «Тэкъдир», и при этом каждый поступок при жизни записывается на «Лаухель Махфуз» [5, с. 79] и преопределяет не только его судьбу, но и судьбу последующих поколений. Судьба по исламским законам predetermined, она написана у каждого на лбу, однако человек свободен в своих действиях и в какой-то степени его будущее и будущее его потомков зависит и от него самого. Ислам всегда дает человеку новые возможности и надежду [6, с. 96].

Образ «Книги судьбы» встречается во многих эпических текстах алтайских народов. В фольклоре алтайских народов книга судьбы называется «Ай-Судур» или «Судур-Бичик», также встречается вариант «Ойгор бичиг» («Мудрая книга»). В этой книге рассказывается биография эпического героя, который узнает из нее о своем будущем и предназначении ему суженой.

Например, в алтайской версии дастана «Кузы Курпач и Баян-Сылу», являющегося общим достоянием многих тюркских народов, главный герой Козын-Эркеш, получив свою книгу судеб, из нее узнает не только кем он является, но и о своем предназначении и будущей невесте [7]. Таким образом, суженая тоже является частью судьбы:

«Козын-Эркеш баатыр
Книгу Ойгор стал читать
Всю свою жизнь он увидел» [7, с. 205].

Герой алтайского эпоса «Алып-Манаш» о своей суженой тоже узнает из «Книги судеб»:

«Однажды Алып-Манаш богатырь
Книгу Мудрости достал,
Перелистывать начал» [7, с. 82–83].

В татарском языке есть выражение «үзенә язган», которое дословно переводится как «предначертанная самому или ему» и также означает суженую. И в эпосе «Маадай-Кара» герой, прочитав «Судур», узнает о своей судьбе и суженой. В том же произведении ламы узнают о рождении Маадай-Кара:

«Семь лам удивились, с места вскочили,
Лунную сутру вытащили,
Перелистывая, внимательно смотрели,
Солнечную сутру открыли,
Золотую книгу читали.
Когда ее перелистали, узнали:
На земле Маадай-Кара
Родился богатырь, оказывается...» [8, с. 355].

Судьбы героев алтайского эпоса могут быть записаны как в специальных книгах, так и в листьях тополя-древа мира тюркских народов. Например, герой эпоса «Кан-Таджи, сын Ак-Боке», желая узнать свою судьбу, обращается к Алтын-Чогор и небесному богу Кудай. Лист тополя превращается в «Сабрабичик», на котором написана судьба героя.

«Јети кады ай судурды бу корорды,
Айлаткышту алтын бичик бу кычырды» [8, с. 355].
«Семислойную Ай Судур он взял в руки.
Мудрую золотую книгу он прочитал».

Традиция письменности у тюркских народов восходит к глубокой древности. Ярким тому примером являются Орхон-енисейские эпиграфические памятники VIII–IX вв. Поэтому появление в тюркских дастанах образа «Книги судьбы» закономерно. В алтайском эпосе она называется «Книгой Судьбы», «Ай-Судур» или «Судур-Бичик». «Бичик» – древнетюркское слово, означающее «битиг», что переводится как «письмо» и «книга». До наших дней в татарском фольклоре сохранилось это слово:

«Бете-бете бетегән,
Бете өстендә кетегән,
Кенә суы йөгерткән,
Күк жеп белән каяган» [9, с. 475].

Слово «бете-бете, бите» означает надпись. Слово Судур происходит от слова «sūtra» (санскр. sūtra m–нить, шнурок, правило, руководство). Этим словом назывались книги о буддизме, священные книги и книги законов. Включение образа книги Судур в эпический сюжет ученые объясняют влиянием центральноазиатских религий [10, с. 63–64].

«Книга судеб» упоминается и в памятнике уйгурской письменности «Алтын ярук» («Золотой свет/луч»). Она называется «Ан битиг» («Книга судьбы»). В этой книге указывается весь жизненный путь, продолжительность жизни, или отведенное человеку время [3, с. 155, 158].

Несмотря на то что ислам в большинстве случаев запрещает гадания и пресекает попытки заглянуть в будущее, у татарского народа существовали методы предсказания будущего. Одним из них является «Коръән ачу» попытка заглянуть в будущее, узнать ответ на конкретный вопрос, найти решение при помощи Корана. Практика гадания с целью узнать будущее или судьбу с помощью книг религиозного содержания известна не только в исламе, но и в других религиях. Например, в тибетском ламаизме: «Они открывают книгу с поднятыми головами, когда молятся. Они ориентируются в будущем с помощью текста на первой странице» [11, р. 265].

Стремление при помощи Корана или других книг познать судьбу сохраняется и у татар до XX в. Это явление у поволжских татар называется «фал ачу» («открытие книги», «открытие Корана»), у сибирских татар известно под названием «открытие палтар». С этой целью обращаются не только к Корану, но и к поэме Кул Гали «Кысса-и Йусуф» – литературному памятнику болгарского периода.

Еще одна традиция, которая сложилась из стремления узнать будущее, судьбу – это «Төшлек салу» или «Төшлек салдыру», то есть «заказ сновидения». У татарского народа были очень популярны сонники и толкования снов, толкователи снов. Эти образы сохранились не только в фольклоре, но и в татарской литературе. В тюркском фольклоре и средневековой литературе сон играет большую роль в организации сюжета и является одним из мотивов, связанных с мотивом судьбы. Такие произведения, как поэма Кул Гали «Кысса-и Йусуф» или романтический дастан «Бүз егет» («Благородный юноша»), построены на толковании сна.

Мотив сновидений отразился и в дастанах. Например, в татарской версии дастана «Кузы-Корпеч и Баян-Сылу», чтобы узнать заранее, как пройдет путешествие сына и чем оно закончится, мать видит «дорожный сон»:

«Бүгендә яман төш күрдем, балам,
Өем артында байтирәк күрдем, балам,
Өй өстенә егылды, балам,
Ишегем алдында сары елан, балам,
Юлымда сузылып ятты, балам!» [12, с. 138].
«Я видела нехороший сон, дитя мое.
За домом я увидела тополь, дитя мое.
Он упал на мой дом, дитя мое.
У меня перед дверью желтая змея, дитя мое,
На моей дороге растянулась, дитя мое!»

Мать предрекает сыну смерть и падение родового дерева – тополя (байтиряк). Тополь – священное дерево тюркских народов, и в эпосе он часто является предвестником смерти, несет траурную символику.

В древней и средневековой татарской литературе и тюркском фольклоре сновидение как весть о судьбе присутствует во многих произведениях. В каждом из них проявляется неизбежность судьбы, бессилие перед ней человека. Причем во сне герой может получить известие не только о своей судьбе. Так, в поэме Кул Гали «Кысса-и Йусуф» сны предсказывают будущее не только героев, но и всего государства.

Сюжет татарского «Дастана о роде Аксак Тимер» начинается с рассказа о сновидении Хана Джодай. Толкователи сна предсказывают ему смерть от

еще неродившегося ребенка: «В местности, называемой Алмалык, у человека по имени Торагай родится ребенок – от него будет твоя смерть». Джодай хан, с целью избежать своей судьбы, то есть смерти, приказывает убить неродившегося ребенка. В Дастане подчеркивается неизбежность судьбы: «Этот глупец хотел изменить свою судьбу. Разве можно нарушить предписание Всевышнего» [13, с. 23]. Мотив судьбы проходит красной нитью через все повествование дастана и в последующем раскрывается в другом аспекте. Взятие города Булар Хромым Тимуром также рассматривается как неизбежность судьбы: «Что мог бы сделать Тамерлан, если это не было предначертано Богом» [13, с. 23].

Е. Д. Турсунов пишет, что стремление к познанию будущего во сне встречается и у якутов: «Якутские ойууны всячески стремятся узнать будущее. Если кто-то обратился к шаману с просьбой “туул” (во сне посмотри, что будет дальше), то шаман на следующий день рассказывает о том сне и сам этот сон и толкует» [14, с. 93].

В татарском фольклоре нашли свое отражение и попытки узнать свою судьбу по звездам. Согласно древним поверьям татар, небо является отражением земли, а звезда является отражением человека. Такие выражения, как «йолдызы сүнү», «кояшы сүнү» («угасание его звезды», «угасание его солнца»), сохранившиеся свидетельства этой веры.

В поэме поэта Казанского ханства Мухаммадъяра «Тухфаи Мардан» («Подарок юношам») также проводится параллель между судьбой человека и звездой:

«Фэләк ди: «Ярмөмид, тыңла бу – өндөр:
Йолдызыңда – үзең хужа, хакимдер.
Мин ни эшлим, йолдызыңа сал күзең
Ишетер чөн: йолдыз ни дияр сүзең» [4, с. 132].
«Фаялэк сказал: «Ярмумид, услышь – это явь:
Твоей звезде ты хозяин и владыка.
Что я сделаю? Ты взгляни на свою звезду
Ты услышишь то: что скажет твоя звезда?»

Поэт говорит о том, что люди, которые дружат со «звездой счастья», сами счастливы и уважаемы:

«Кемгә бәхет йолдызы дусти булып,
Ул миһербан илнең олысы булып» [4, с. 133].
«Кому станет другом звезда счастья,
Он будет уважаемым в стране».

Представления народа о судьбе в виде пряжи, нити или клубка сохранились в таких выражениях, как «Язмыш йомгагы» («Клубок судьбы») и «Язмыш жебе» («Нить судьбы»). Эти представления о судьбе-нити являются общими для разных народов: в хеттской мифологии богини судьбы являются прядильщицами, в греческой мифологии мойра Клото – прядет нить человеческой жизни, в скандинавской мифологии богини судьбы – Норны – также образы, прядущие нить жизни. Исследуя русский фольклор и этнографию, Н. А. Криничная показывает универсальную модель судьбы через образы, которые прядут, ткуют нити судьбы. В качестве таких персонажей в русских

мифологических рассказах действуют домовый, мара, кикимора, русалка, Баба-яга и др. [15].

Подобные персонажи и в татаро-тюркском фольклоре. Например, Убырлы карчык – старуха, живущая в одиноком домике в лесу, может помочь сбившемуся с пути герою, дав ему клубок, следуя за которым ему удастся найти верный путь и достичь цели.

Героиня татарской народной сказки «Падчерица», заблудившись в лесу, отправляется в путь в поисках своей судьбы. Согласно сюжету, девушка потеряла родную мать, а значит, и связь с предками, ей просто некому было передать многовековой опыт и мудрость народа. Пытаясь определить свою судьбу и свое предназначение, она по очереди обращается за помощью с одним и тем же вопросом – «Тэгәри китте йомгагым, күрмәдеңме?» («Укатился мой клубочек, не видали ли вы его?») – сначала к пастуху, затем к взрослому мужчине – «агай» и пожилой женщине – «әбекәй». Образ пастуха символизирует подсознательную связь с природой, интуицию, «агай» – олицетворяет, с одной стороны, ум, а с другой – силу, «әбекәй» – мудрость народа. Следуя советам и наставлениям этих героев, девушка идет по указанному пути и оказывается в избушке Бабы-яги, выполнив поручение которой, изменяет свою судьбу и становится счастливой [16, с. 215–218].

В татарских сказках присутствуют сюжеты, когда герой находится на перекрестке трех или семи путей и должен выбрать один из них, в какой-то степени это означает возможность выбора своей судьбы. Герой сказки может пойти по тропинке, указанной Бабой-ягой, но может и сам выбрать одну из нескольких дорог наперутье.

Итак, судьба одна из главных мифологем в тюркском фольклоре. Анализ тюркских эпосов и произведений литературы показывает, что в представлении тюрков судьба человека (то есть основные моменты жизни, ее продолжительность, присутствие в ней счастья или несчастья) предопределена еще до его рождения. С одной стороны, она неизбежна и зависит от воли Всевышнего, но в то же время у человека остается право выбора пути. Принятие решения, выбор доброго или злого поступка, хорошего или плохого пути, поступки и отношение к другим могут кардинальным образом изменить судьбу.

Литература

1. Денисов С. Ф. Судьба как экзистенциал и мифологема. *Вестник Омского университета*. 1999;4:58–62.
2. Исәнбәт Н. *Татар халык табышмаклары*. Казан: Татар китап нәшрияты; 1970. 568 б.
3. Малов С. Е. *Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования*. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1951. 452 с.
4. Мөхәмәдъяр. *Нуры Содур. Поэмалар, шигырь*. Казан: Татар китап нәшрияты, 1997. 336 б.
5. Зәйнуллин Ж. Г. *Шәрык алынмалары сүзлег*. Казан: Мәгариф, 1994. 143 б.
6. Пиотровский М. Б. Ислам и судьба. Понятие судьбы в контексте разных культур. *Научный совет по истории мировой культуры*. М.: Наука, 1994. С. 92–97.

7. Улагашев Н. У. *Алтай-Бучай. Ойротский народный эпос* / под ред. А. Коптелова. Новосибирск: Областное государственное изд-во, 1941. 408 с.

8. *Маадай Кара: Алтайский героический эпос*. Запись текста, перевод на русский язык и приложения С. Суразакова; подготовка тома и вступительная статья И. В. Пухова. М.: Наука, 1973. 474 с.

9. *Tatar халык табышмаклары*. Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1970. 568 б.

10. Сагалаев А. М. *Мифология и верования алтайцев. Центрально-азиатские влияния*. Новосибирск: Наука, 1984. 120 с.

11. Ekvall R. B. *Religious Observances in Tibet; Patterns and Function*. University of Chicago Press, Chicago and London, 1964. 63 p.

12. *Tatar халык иҗаты. Дастаннар*. Томны төзүче, кереш мәкалә һәм искәртмәләрне язучы Әхмәтова Ф. В. Казан: м Татар китап нәшрияты, 1984. 384 б.

13. *Дәфтәре Чыңгыз-намә*. Китапны басмага хәзерләүче сүзлек һәм аңлатмаларның авторы Сәлим Гыйләжетдинов. Казан: Иман, 2000. 44 б.

14. Турсунов Е. Д. *Древнетюркский фольклор: истоки и становление*. Алматы: Дайн-Пресс, 2001. 172 с.

15. Криничная Н. А. *Нить Жизни (Реминисценции образов божеств судьбы в мифологии и фольклоре, обрядах и верованиях)*. Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского университета, 1995. 41 с.

16. *Tatar халык иҗаты: Әкиятләр*. Томларны төзүче, искәртмәләрне хәзерләүче Х. Х. Гагина, Х. Х. Ярми, кереш мәкаләне язучы Л. Ш. Жамалетдинов, Х. Х. Ярми. Казан: Татар китап нәшрияты. Т. 2. 1978. 448 б.

Информация об авторах

Камалиева Гульфия Зилифовна – Институт международных отношений Казанского (Приволжского) федерального университета, Казань, Россия, <https://orcid.org/0000-0001-6088-3093>, gulfia73@mail.ru

Закирова Ильсияр Гамиловна – Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, Казань, Россия, <https://orcid.org/0000-0002-2527-0571>, ilzakirova@mail.ru

Каримова Луиза Каюмовна – Институт международных отношений Казанского (Приволжского) федерального университета, Казань, Россия, <https://orcid.org/0000-0002-0353-8493>, LU_KA_S@rambler.ru

Author's Links

Заявленный вклад авторов

Авторы внесли равный вклад в эту работу.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 02 апреля 2022. Одобрена после рецензирования: 04 мая 2022. Принята к публикации: 06 мая 2022. Опубликовано: 29 июня 2022.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Ориенталистика» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы, а также за согласие на публикацию (размещение) текстов рецензий на сайте журнала и передачу (размещение) в Научную электронную библиотеку eLIBRARY.RU. Размещенные материалы, исключая персональные данные о рецензентах, являются публичными и доступны пользователям в информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

References

1. Denisov S. F. Fate as Existential and Mythologeme. *Bulletin of Omsk University*. 1999. Issue 4. P. 58–62 (In Russ.)
2. Isenbet N. *Tatar Folk Riddles*. Kazan: Tatar Book Publishing House, 1970. 568 p. (In Tatar.)
3. Malov S. E. *Monuments of ancient Turkic writing. Texts and studies*. Moscow-Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1951. 452 p. (In Russ.)
4. Muhammadyar. *Nury Sodur. Poems, verses*. Kazan: Tatar Book Publishing House, 1997. 336 p. (In Tatar.)
5. Zaynullin J. G. *Dictionary of Oriental Derivatives*. Kazan: Magarif, 1994. 143 p. (In Tatar.)
6. Piotrovsky M. B. Islam and Destiny. The Concept of Fate in the Context of Different Cultures. *Scientific Council on the History of World Culture*. Moscow: Nauka, 1994. P. 92–97 (In Russ.)
7. Ulagashev N. U. *Altai-Buchay. Oirot Folk Epic* / ed. A. Koptelova. Novosibirsk: Regional State Publishing House, 1941. 408 p. (In Russ.)
8. *Maadai Kara: Altai Heroic Epic*. Recording of the Text, Translation into Russian and Applications by S. Surazakov; Preparation of the Volume and Introductory Article by I. V. Pukhov. Moscow: Nauka, 1973. 474 p. (In Russ.)
9. *Tatar Folk Riddles*. Kazan: Tatarstan Book Publishing House, 1970. 568 p. (In Tatar.)
10. Sagalaev A. M. *Mythology and beliefs of the Altaians. Central Asian influences*. Novosibirsk: Nauka. 1984. 120 p. (In Russ.)
11. Ekvall R. B. *Religious Observances in Tibet; Patterns and Function*. University of Chicago Press, Chicago and London, 1964. 63 p.
12. *Tatar Folk Art. Epics*. Tom Prepared by Akhmetova F. V., Author of Introductory Articles and Notes. Kazan: Tatar Book Publishing House, 1984. 384 p. (In Tatar.)

13. Notebook Chingiz-nama. Salim Gilyazutdinov, the Author of Dictionaries and Commentaries Preparing the Book for Publication. Kazan: Iman, 2000. 44 p. (In Tatar.)

14. Tursunov E. D. *Ancient Turkic Folklore: Origins and Formation*. Almaty: Dine-Press, 2001. 172 p. (In Russ.)

15. Krinichnaya N. A. *Thread of Life (Reminiscences of Images of the Deities of Fate in Mythology and Folklore, Rituals and Beliefs)*. Petrozavodsk: Petrozavodsk University Press, 1995. 41 p. (In Russ.)

16. *Tatar folk art: Tales*. Tom and Notes Prepared by H. H. Gatina, H. H. Yarmy, author of the introductory article L. S. Jamaletdinov, H. H. Yarmy. Kazan: Tatar Book Publishing House. Vol. 2. 1978. 448 p. (In Tatar.)

Information about the authors

Gulfiya Z. Kamaliyeva – Institute of International Relations, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia, <https://orcid.org/0000-0001-6088-3093>,
✉ gulfia73@mail.ru

Ilseyar G. Zakirova – Institute of Language, Literature and Art named after G. Ibragimov of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-2527-0571>,
✉ ilzakirova@mail.ru

Luiza K. Karimova – Institute of International Relations, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia,
<https://orcid.org/0000-0002-0353-8493>,
✉ LU_KA_S@rambler.ru

Author's Links

Authors contributed

These authors contributed equally to this work.

Conflicts of Interest Disclosure

The authors declare that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: April 02, 2022. Approved after peer reviewing: May 04, 2022.
Accepted for publication: May 06, 2022. Published: June 29, 2022.

The authors have read and approved the final manuscript.

Peer review info

Orientalistica thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work. It is also grateful for their consent to publish (place) of the review on the journal's website and transfer (place) to the Scientific Electronic Library eLIBRARY.RU. The posted materials, excluding personal data about the reviewers, are public and freely available on the Internet.